

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ РОССИИ : ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

2021

2021

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна

ТОМ III

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ РОССИИ:
ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ**

Материалы международной научной конференции
Посвященной 800-летию со дня рождения
Великого князя Александра Невского

Санкт-Петербург,
2 апреля 2021г.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего

образования

«Санкт-Петербургский государственный университет промышленных
технологий и дизайна»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ РОССИИ: ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Материалы международной научной конференции
посвященной 800-летию со дня рождения Великого князя Александра Невского

Санкт-Петербург, 2 апреля 2021 г.

III

Санкт-Петербург

2021

УДК 93(063)(470+571)

ББК 63.3(2)я43

И90

И90 Исторический путь России: из прошлого в будущее: матер.
междунар. науч. конф.: в 3 т. Санкт-Петербург, 2 апреля 2021
года / под ред. С. И. Бугашева, А. С. Минина Т. 3. – СПб.:
ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2021. – 752 с.

ISBN 978-5-7937-1960-5

ISBN 978-5-7937-1962-9

В сборнике опубликованы доклады, представленные на
международной научной конференции «Исторический путь
России: из прошлого в будущее», посвященной 800-летию со
дня рождения

Великого князя Александра Невского, проходившей в
СанктПетербургском государственном университете промышленных
технологий и дизайна 2 апреля 2021 года. Рассматриваются
разнообразные вопросы, связанные с изучением политики и

биографии Великого князя Александра Невского,
отображением его образа в культуре, искусстве и
идеологии. Обсуждаются

общеисторические и философские проблемы, особенности
преподавания и изучения исторических дисциплин в

современной высшей школе. Большое внимание уделено воспитательной работе со

студентами на основе изучения отечественной истории.

Для всех интересующихся отечественной и мировой историей.

УДК 93(063)(470+571)
ББК 63.3(2)я43

ISBN 978-5-7937-1960-5 © ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2021 ISBN 978-5-7937-1962-9

БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК ДУШИ ОЛЬГИ БЕРГГОЛЬЦ

Аннотация: В данной статье представлен анализ «Блокадного дневника» Ольги Берггольц. В этих дневниковых записях нашли отражение как хроника жизни, идеи для будущих произведений, так и личные переживания. Берггольц вела дневники не для публикации, поэтому ее записи отличает искренность, порой на грани откровения, и достоверность описываемых событий. Данная характеристика определяет историческую ценность и значимость текста. В эти записях, по ходу развития событий, меняются интонации и настроения. Для характеристики того или иного доминирующего настроения в дневниковых записях автором статьи введено понятие экзистенциала как доминирующей формы переживания событий. Всего введено три экзистенциала: экзистенциал отчаяния, экзистенциал бесчувствия и экзистенциал внутренней свободы.

Ключевые слова: типология дневниковых записей, дневник души, экзистенциал отчаяния, экзистенциал бесчувствия, экзистенциал внутренней свободы.

THE SIEGE DIARY OF OLGA BERGGOLTS

Summary: This article presents an analysis of the "Siege Diary" by Olga Berggolts. These diary entries reflect both the chronicle of life, ideas for future works,

and personal experiences. Bergholts did not keep diaries for publication, so her notes are distinguished by sincerity, sometimes on the verge of revelation, and the reliability of the events described. This characteristic determines the historical value and significance of the text. In these recordings, in the course of events, intonations and moods change. To characterize one or another dominant mood in the diary entries, the author of the article introduced the concept of existential as the dominant form of experiencing events. In total, three existentials have been introduced: the existential of despair, the existential of insensibility, and the existential of inner freedom.

Keywords: typology of diary entries, the diary of the soul, the existential of despair, the existential of insensibility, the existential of inner freedom.

Дневники Ольги Берггольц, как и многие иные дневники в советское время, велись без расчета быть опубликованными. Автор прекрасно понимал, что никакая цензура того периода их до публикации не допустит. Эти записи Ольга Берггольц делала только для себя, и тем выше значение этих записей. Они – исповедальные и неподкупные свидетельства истории. Эти записи велись Ольгой Берггольц на протяжении всей своей жизни, примерно с 13 лет.

Что из себя представляют эти дневники? Типология дневниковых записей чрезвычайно многообразна. Петербургский социолог конца XX века Андрей Николаевич Алексеев (1934-2017) дал следующую типологию дневниковых записей¹. Мы, следуя этой типологии, определим тип дневниковых записей Ольги Берггольц.

«Дневник факта» (где главный упор делается на «внешних» событиях жизни, а личные переживания и размышления отсутствуют либо сведены к минимуму).

«Дневник духа» (в котором личное «я» отходит на второй план, а дневник оказывается своего рода копилкой символов, образов, мыслей и «лабораторией» творчества; часто — это «сырье» для будущих произведений).

«Дневник души» (дневник в традиционном и, пожалуй, узком смысле слова, сугубое «общение с самим собой», причем на первый план выходят личные переживания и самоанализ; такой дневник обычно аутоисповедален).

¹ Алексеев А.Н. Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов

(теоретикометодологические заметки) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2007 – 4(64) – С.52 ² Оскоцкий Б. Д. Дневник как правда (Из мемориального наследия В.Вернадского, О.Берггольц, К.Чуковского). Очерк. М.: Моск. рабочий, 1995. — С. 28.

Конечно, здесь мы имеем дело так называемыми «идеальными типами», т.к. в реальной дневниковой практике описания событий обычно перемежаются впечатлениями и размышлениями. И все же, всякий дневник «тяготеет» к тому или иному типу.

Дневниковые записи Ольги Берггольц «тяготеют» к «дневнику души».

И даже тогда, когда Ольга Берггольц допускала возможность использовать записи как исходный материал будущих книг, и особенно книги «Дневные звезды» («Если выживу – пригодятся, чтоб написать всю правду»), она, как отмечает публицист Дмитрий Оскоцкий, «создавала не заготовки к задуманному, не наброски, не варианты, а исповедь, предназначенную себе одной...»².

Сестра Ольги Берггольц, и очень близкий по жизни ей человек, Мария Федоровна Берггольц свидетельствует, что архив Ольга Берггольц в целом и

дневники в частности «не однажды подвергался конфискации, – официально – в 1938 году, при аресте, и неофициально - после ее смерти»².

Как указывает историк литературы Наталья Громова «охота за дневниками Ольги Берггольц началась сразу же после ее смерти»⁴. Комиссия по наследию Ольги Берггольц предпринимало все усилия для передачи архива писательницы в

Центральный архив литературы и искусства Ленинграда. Однако Марии Федоровне Берггольц не без оснований казалось, что если архив уйдет из ее рук, то он станет совершенно не доступен ни для современников, ни для потомков. Эти опасения были оправданы. Но и после того, как М.Ф. Берггольц вступила в права наследования, власти настаивали на так называемом «принудительном выкупе» материалов у наследницы, в конце концов, добились своего. Согласно оценке комиссии, размер выкупа установили в сумме 984 руб³. В итоге, случилось то, чего опасалась Мария Берггольц: архив на многие годы стал недоступен для изучения. Только в 1990 году Мария Федоровна смогла напечатать первые материалы из дневниковых тетрадей своей сестры. Но в постперестроечные годы конца XX века публикации этих фрагментов прошли

² Цит по Громова Н.А. Смерти не было и нет: Ольга Берггольц : опыт прочтения судьбы / Наталья Громова.– Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. – С.411 ⁴ Там же. – С. 412.

³ Там же. – С. 414

почти незамеченными, т.к., в тот период, им пришлось конкурировать с публикациями романов Солженицына,

Платонова, Набокова.

Отсчет блокадных записей ведется с 3 июля 1941 года, с «двенадцатого для войны» и завершается 10 июня 1944 года. В разные периоды в эти записях были разные интонации, разные исповедальные слова. В рамках этой статьи эти интонации и исповедальные слова мы назовем экзистенциалами – доминирующей формой переживания того или иного события.

В записях первых месяцев войны, то и дело, встречается экзистенциал отчаяния.

22 августа 1941 года Ольга записала в дневнике: «... Ровно два месяца войны. ... Какой суровый подъем был, как все надеялись... А сейчас – уныние, упадок, страх. Мы проигрываем войну – это ясно. Мы были к ней абсолютно не готовы, — правительство обманывало нас относительно нашей «оборонной мощи». За восемь лет Гитлер сумел подготовиться к войне лучше, чем мы за 24 года».

Уже через месяц в дневниковой записи от 24 сентября 1941 года мелькнула совсем крамольная мысль: «Они, наверное, все же возьмут город. Баррикады на улицах – вздор. Они нужны, чтоб прикрыть отступление Армии. Сталину не жаль нас, не жаль людей, вожди вообще никогда не думают о людях...»

В декабре ситуация в Ленинграде изменилась. Стало ясно, что враг в город не войдет, но блокада охватила все стороны повседневности. В городе начался голод, и повседневная жизнь горожан изменилась радикально.

Запись в дневнике от 28 декабря: «Вчера я узнала, что в этот день в Ленинграде от голода умерло 20 801 человек. Я так отупела от груза ужаса и горя, что не воспринимаю этих ЦИФР...».

Еще одна запись: «Дистрофики обнимали фонарные столбы, устоять на ногах... Цепь обледеневших, засыпанных снегом троллейбусов... Цепь трамваев с выбитыми стеклами... Я шла мимо умерших трамваев и троллейбусов в каком-то другом столетии, в другой жизни. Мне было все равно»⁴. Эта запись сделана зимой 1942 года, в январе отключили напряжение, и движение трамваев прекратилось.

⁴ Берггольц О.Ф. Дневные звезды. —М.: Современник, 1975. – с.131

«К декабрю в людях появилось, — замечает Ольга, — какое-то холодное оцепенение, душа так же промерзла, как все тело». Это было наступившее на большинство людей блокадное нечувствие.

Здесь Ольга Берггольц определяет уже другой экзистенциал — экзистенциал нечувствия.

Она не сразу поверила в те возможности, которые ей предоставила работа в Радиокомитете. Так в записи от 1 декабря 1941 года мы читаем: «Мои писания, мои стихи, даже те, которые заставили плакать командиров одной армии, где недавно читала их, — даже не десятистепенной важности дело для Ленинграда. Твоя нужность здесь — самообман, тщеславие.».

Она ошибалась. До наших дней сохранились списки сотрудников. Это 67 имен писателей, поэтов, журналистов, не считая технических работников⁵. Но Голосом блокадного Ленинграда стала одна Берггольц.

Ольге удалось то, что не удалось сделать иным: найти нужную интонацию обращения к жителям блокадного Ленинграда. Несмотря на цензуру и советскую риторику она сумела донести до ленинградцев одну простую мысль: вы все — пережившие зиму 1941-1942 годов, — герои. Город это услышал.

Весной 1942 года в настроениях людей произошли перемены и это нашло отражение в дневниках и письмах Ольги Берггольц. В одном из писем Ольга Берггольц писала «...весной сорок второго года мы бурно, с восторгом переживали возвращение к обычной жизни и, знаете, когда впервые после зимы заплакали Ленинградцы, действительно переставшие плакать, не из мужества, а из того, что просто не было тех эмоций, которые соответствовали бы тому, что было зимой? Они заплакали на первом после декабря сорок первого года симфоническом концерте — это было пятого апреля сорок второго года, заплакали, потрясенные тем,

что вот на цене сидят люди — не в ватниках, а в пиджаках, и что не просто люди, а артисты, и они... играют на скрипках! Что играли — было не важно, важно было само, что ли, явление...»⁶.

Далее интонации в дневнике и письмах меняются. В них появляется оптимизм и рефлексия произошедшего, рефлексия того, что помогло выстоять.

В письме от 17 марта 1943 Ольга Берггольц пишет: «Вас удивит, быть может, обилие «коммунальной» тематики, — но это специфично для нас. Ведь великое ленинградское сопротивление было не только военным, но в еще

⁵ Филиппов Д. С. Битва за Ленинград / Дмитрий Филиппов. — М.: Молодая гвардия, 2020. — С.321

⁶ Цит. по Громова Н.А. Смерти не было и нет: Ольга Берггольц : опыт прочтения судьбы. — С.253

большей мере шло по линии быта, борьбы за самые основы человеческого существования жизни, удержания элементарных каких-то вещей. ... Мы всеми мерами – и сознательно, и бессознательно – стремились и стремимся сберечь, сохранить нормальную, обычнейшую человеческую жизнь – и добились всетаки этого».

Ольга часто писала и говорила друзьям, что их спасает микрожизнь⁷. Микрожизнь в блокадном городе – это сумма самых простых бытовых действий. Но эти простые действия и осознание их важности делали процесс жизни очень отчетливым.

Ольга Берггольц прямо указывала, что город преодолел блокаду еще до ее прорыва, именно потому, что ленинградцы научились жить по-другому.

Запись в дневнике от 21 марта 1943 года: «Наши люди зажили своей жизнью, мы видим их, слышим, они действуют самостоятельно, они сами подсказывают нам, что делать, – а ведь ничего не было!»

А еще раньше, 16 мая 1942 года в дневнике была сделана парадоксальная запись: «в день своего рождения ... нам надо спешно заводить среди развалин – домов, людей, семей – новую жизнь. <....> мне трудно объяснить это, но я живу, пока война.»

В этой экстремальной ситуации, которой является блокада, люди не просто переставали бояться бомбежек, но и обретали качественно иной опыт жизни: опыт жизни свободных людей.

Запись от 5 мая 1944: «Надоели мне мои несчастья. Я хочу быть самодовольной, т.е. довольной собой, тем, что я делаю, тем, как я выгляжу, тем как любит меня Юра. Как только встану, заведу с ним форменный весенний роман. Да, да, довольно тоски и горя!»

Так в ее дневниках появляется новый экзистенциал: экзистенциал внутренней свободы.

Позже она писала, что в тот период «такими мы счастливыми бывали, такой свободой дикою дышали...»⁸

В блокадные дни у жителей города сначала возникло впечатление, что их бросили на произвол судьбы, и из этого впечатления брошенности, выросло понимание необходимости самим принимать решения, брать ответственность на себя. В итоге, к моменту полного снятия блокады это были совсем иные

⁷ Там же. – С.253

⁸ Цит. по Громова Н.А. Смерти не было и нет: Ольга Берггольц : опыт прочтения судьбы. – С.254

люди, чем на ее начало. Люди стали меньше бояться власти и, прежде всего НКВД, чем раньше. Их отличительными чертами стали гордость и достоинство. Эти отличительные черты ленинградцев не остались незамеченными для верховной власти. Возможно, это положило начало так называемому «ленинградскому делу»?

Дневники Ольги Берггольц, публикация которых продолжается еще потребуют своего внимательного научного изучения, – еще нет академического издания послевоенных записей. В этих дневниках мы видим не столько хронику фактов или копилку образов и метафор, сколько личные, подчас интимные заметки. Но эти личные заметки обращены к будущим поколениям.

Список литературы:

1. Алексеев А.Н. Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2007 – 4(64).
2. Берггольц О.Ф. Дневные звезды. —М.: Современник, 1975. – 172 с.
3. Громова, Наталья Александровна. Смерти не было и нет: Ольга Берггольц: опыт прочтения судьбы / Наталья Громова. — 2-е изд., доп. и перераб. — Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. - 430, [2] с., ил. - (Проза Натальи Громовой). 4. Берггольц О. Блокадный дневник (1941-1945) /сост., текстологии. подгот. Н.А. Стрижковой; статьи Т.М. Горяевой и Н.А. Стрижковой; комм. Н.А. Громовой и А.С. Романова. СПб.: Вита-Нова, 2015.
5. Оскоцкий Б. Д. Дневник как правда (Из мемориального наследия В. Вернадского, О. Берггольц, К.Чуковского). Очерк. М.: Моск. рабочий, 1995. — (Россия демократическая). 71с.
6. Филиппов Д. С. Битва за Ленинград / Дмитрий Филиппов. — М.: Молодая гвардия, 2020. - 424[8] с.: ил. - (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1853). – глава «Ленинградская Мадонна»

